

ISSN 2181-9130

Doi Journal 10.26739/2181-9130

ҲУҚУҚИЙ ТАДҚИҚОТЛАР ЖУРНАЛИ

11 ЖИЛД, 10 СОН

ЖУРНАЛ ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ТОМ 11, НОМЕР 10

JOURNAL OF LAW RESEARCH

VOLUME 11, ISSUE 10

ТОШКЕНТ-2026

ҲУҚУҚИЙ ТАДҚИҚОТЛАР ЖУРНАЛИ

ЖУРНАЛ ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ | JOURNAL OF LAW RESEARCH

№10 (2026) DOI <http://dx.doi.org/10.26739/2181-9130-2026-10>

Бош муҳаррир:
Главный редактор:
Chief Editor:

Abdurasulova Qumriniso Raimqulovna
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)

Бош муҳаррир ўринбосари:
Заместитель главного редактора:
Deputy Chief Editor:

Fayziev Shoxrud Farmonovich
yuridik fanlar doktori, dotsent (O'zbekiston)

ТАҲРИРИЙ МАСЛАҲАТ КЕНГАШИ | РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ | EDITORIAL BOARD

12.00.01 - ДАВЛАТ ВА ҲУҚУҚ НАЗАРИЯСИ ВА ТАРИХИ. ҲУҚУҚИЙ ТАЪЛИМОТЛАР ТАРИХИ / ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ / THEORY OF LAW AND STATE, HISTORY OF LEGAL DOCTRINES

Boboyev Halimboy Boboyevich

yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)

Ahmedshaeva Mavlyuda Axatovna

yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)

Muxitdinova Firyuza Abdurashidovna

yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)

Adilxodjayeva Surayyo Maxkamovna

yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)

Sattorov Abdug'affor

yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)

Yosuke Shamoto

yuridik fanlar doktori, professor (Yaponiya)

Umarxanova Dildora Sharipxanovna

yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)

Nematov Jo'rabek Nematilloevich

yuridik fanlar doktori, dotsent (O'zbekiston)

12.00.02 - КОНСТИТУЦИОННЫЙ ҲУҚУҚ, МАЪМУРИЙ ҲУҚУҚ, МОЛИЯ ВА БОЖХОНА ҲУҚУҚИ / КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; ФИНАНСОВОЕ ПРАВО / CONSTITUTIONAL LAW; ADMINISTRATIVE LAW; FINANCIAL RIGHT

Malikova Gulchexra

yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)

Xusanov Ozod Tillabayevich

yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)

Selimanova Svetlana Mixaylovna

yuridik fanlar doktori (O'zbekiston)

Xvan Leonid Borisovich

yuridik fanlar doktori, dotsent (O'zbekiston)

Peshkova Xristina Vyacheslovovna

yuridik fanlar doktori, dotsent (Rossiya)

Sung Un Lee

yuridik fanlar doktori, professor (Janubiy Koreya)

12.00.03 - ҲУҚУҚРОЛИК ҲУҚУҚИ. ТАДБИРКОРЛИК ҲУҚУҚИ. ОИЛА ҲУҚУҚИ. ХАЛҚАРО ХУСУСИЙ ҲУҚУҚ / ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО / CIVIL LAW; BUSINESS LAW; FAMILY LAW; PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Oqyulov Omonboy

yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)

Ro'zinazarov Shuhrat Nuraliyevich

yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)

Ruziyev Rustam Jabborovich

yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)

Borotov Mirodiljon Xomudjonovich

yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)

Toshev Boboqul Norqobilovich

yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)

Shomuxamedova Zamira Shoislamovna

yuridik fanlar doktori, (O'zbekiston)

Ahmad Issa Altweissi

yuridik fanlar doktori, professor (Iordaniya)

Mexmonov Kambariddin Miradxanovich

yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)

12.00.04 - ҲУҚУҚРОЛИК ПРОЦЕССУАЛ ҲУҚУҚИ. ХЎЖАЛИК ПРОЦЕССУАЛ ҲУҚУҚИ. ҲАҚАМЛИК ЖАРАЁНИ ВА МЕДИАЦИЯ / ГРАЖДАНСКОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО; ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС И МЕДИАЦИЯ / CIVIL PROCEDURE LAW; ECONOMIC PROCEDURAL LAW; ARBITRATION PROCESS AND MEDIATION

Esanova Zamira Normurodovna

yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)

Mamasidiqov Muzaffar Musajonovich

yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)

Jason A.

Kanton Federal sud markazi (AQSH)

Borut Strazisar

Yuridik bo'lim boshlig'i (Sloveniya)

12.00.05 - МЕҲНАТ ҲУҚУҚИ. ИЖТИМОИЙ ТАЪМИНОТ ҲУҚУҚИ / ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ / THE LABOR LAW; SOCIAL SECURITY LAW

Usmanova Muborak Akmalxanovna

yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)

Gasanov Mixail Yuriyevich

yuridik fanlar doktori, dotsent (O'zbekiston)

Sattorova Gulnoza Djurakulovna

yuridik fanlar doktori, dotsent (O'zbekiston)

Murodova Gulnora

yuridik fanlar doktori, dotsent (O'zbekiston)

Denisov Gleb

yuridik fanlar doktori, professor (Rossiya)

Fayziyev Shuxrat Xasanovich
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Usmonov Muhammadi Bahridinovich
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Xolmuminov Juma
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)

Jo'rayev Yuldash Achilovich
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Nurmatov Mirg'olib Mirzayevich
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)

Po'latov Baxtiyor Xalilovich
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Salomov Baxrom Salomovich
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Osmonaliyev Qayrat
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Mirzayev Aziz
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)

Aleksey Kibalnik
yuridik fanlar doktori, professor (Rossiya)
Kudryavtsev Vladislav Leonidovich
yuridik fanlar doktori, professor (Rossiya)
Sergey Shoshin
yuridik fanlar doktori, dotsent (Rossiya)
James B.
Eaglin Federal sud markazi (AQSH)

Rustambayev Mirzayusup Hakimovich
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Zufarov Rustam Axmedovich
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Kabulov Rustam
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Rajabova Mavjuda Abdullayevna
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Ismailov Isomiddin
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)

Hamidov Nurmuhammad Orif o'g'li
yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori (O'zbekiston)
Yuldoshev Rifat Raxmadjonovich
yuridik fanlar doktori, professor (Tojikiston)
Djansarayeva Rima Ernatovna
yuridik fanlar doktori, professor (Qozog'iston)
Yelena Antonyan Aleksandrovna
yuridik fanlar doktori, professor (Rossiya)
Matthew Light
yuridik fanlar doktori, professor (Kanada)
Qo'shayev Nurali Mahmudovich
yuridik fanlar nomzodi, dotsent (O'zbekiston)

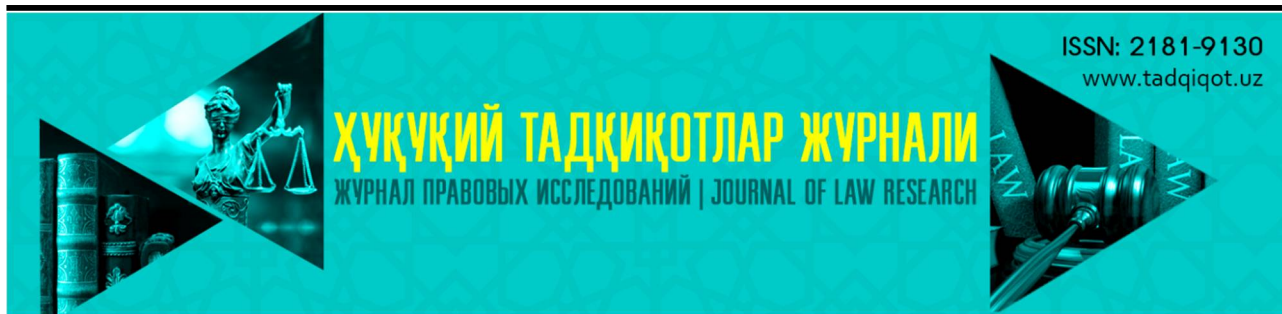
Inog'omjonova Zumratxon Fatxullayevna
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Pulatov Yuriy Safiyevich
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
To'laganova Gulchehra Zaxitovna
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Muxiddinov Faxriddin Muxiddinovich
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Mirazov Davron Miragzamovich
yuridik fanlar doktori (O'zbekiston)
Rijakov Aleksandr Petrovich
yuridik fanlar doktori, professor (Rossiya)

Stoyko Nikolay Genadyevich
yuridik fanlar doktori, professor (Rossiya)
Iskandarov Zayniddin
yuridik fanlar doktori, professor (Tojikiston)
Sergey Pen
yuridik fanlar doktori, professor (Qozog'iston)
Aleksey Purs
yuridik fanlar doktori, dotsent (Belarus)
Jurgen Maurer
yuridik fanlar doktori, professor (Germaniya)
Kevin Curtin
yuridik fanlar doktori, professor (AQSH)

Ismoilov Bahodir Islamovich
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Matkarimova Gulchehra Abdusamatovna
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)

Yuldasheva Govxerjan
yuridik fanlar doktori, professor (O'zbekiston)
Alexander Trunk
yuridik fanlar doktori, professor (Germaniya)

1. Sodikov Akmal Shavkat ugli, Youwei Yan FROM OFFICIAL PUBLICATION TO EFFECTIVE USE: THE EVOLUTION OF STATE MECHANISMS FOR ENSURING THE DISSEMINATION AND USE OF LEGAL INFORMATION.....	5
2. Чжэн Юли СТРУКТУРА И МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЗИТИВНЫХ ЗАЩИТНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ ГОСУДАРСТВА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: НА ПРИМЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРБУЛЛИНГУ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В КИТАЕ И УЗБЕКИСТАНЕ.....	16
3. Батиров Шерзод Аманджанович ПРАВОВОЙ СТАТУС ИНОСТРАННОГО ИНЖЕНЕРА-КОНСУЛЬТАНТА В СТРОИТЕЛЬНЫХ СПОРАХ С УЧАСТИЕМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАКАЗЧИКА В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН.....	32
4. Усмонов Восид Мухаммадиевич ОММАВИЙ АХБОРОТ ВОСИТАЛАРИДА МУАЛЛИФЛАРНИНГ МУЛКИЙ ҲУҚУҚИНИ ТАЪМИНЛАШ МАСАЛАЛАРИ.....	40
5. Джалалов Адхам Ахматжонович ВОЯГА ЕТМАГАНЛАР ИШТИРОКИДАГИ ПОРНОГРАФИЯ АЙЛАНМАСИ: ЖИНОЙ ЖАВОБГАРЛИК ЁШИНИ ТАКОМИЛЛАШТИРИШНИНГ ЗАМОНАВИЙ МУАММОЛАРИ ВА ЕЧИМЛАРИ.....	49
6. Hamidov Nurmuhammad Orif o'g'li SUN'IY INTELLEKT TEXNOLOGIYALARINING JINOYAT SODIR ETISH MEKANIZMIDAGI O'RNI: VOSITA, USUL VA JINOIY-HUQUQIY KVALIFIKATSIYA MASALALARI.....	58
7. Kurbanov Ma'rufjon Mamadaminovich HAYVONLARGA NISBATAN SHAFQATSIZ MUNOSABAT UCHUN JINOIY JAVOBGARLIKNING ZAMONAVIY ASOSLARI: EKOLOGIK OQIBATLAR, JINOYAT- HUQUQIY MUHOFAZA VA FALSAFIY PARADIGMALAR.....	67
8. Тохиржонов Шерзод Шухратжон угли СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УСТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ.....	77
9. Ибрагимов Акмал Ишмуратович ЖИНОЯТ ИШИНИ СУДГА ҚАДАР ЮРИТИШДА ДАВЛАТ ҲИСОБИДАН ЮРИДИК ЁРДАМ КЎРСАТИШНИНГ ҲУҚУҚИЙ ТАБИАТИ.....	89
10. Nugmanov Nugman Abdullayevich, Sayfullaeva Venera Nimatjonovna SUN'IY INTELLEKTNI XALQARO HUQUQIY TARTIBGA SOLISHNING SHARTNOMAVIY-HUQUQIY ASOSLARI.....	108
11. Sayfullaeva Venera Nimatjonovna SUN'IY INTELLEKTNING AXBOROT XAVFSIZLIGI SOHASIGA TA'SIRI VA XALQARO- HUQUQIY TARTIBGA SOLISHNING ASOSIY MUAMMOLARI.....	122
12. Musayev Djamaliddin Kamalovich GIYOHVANDLIK VOSITALARINING NOQONUNIY MUOMALASIGA QARSHI KURASHISHNING XALQARO-HUQUQIY MEKANIZMLARI SHAKLLANISHI VA RIVOJLANISH BOSQICHLARI.....	131

Чжэн Юли,

Докторант (PhD)

Ташкентского государственного юридического университета

E-mail: sparklingtt8@gmail.com

СТРУКТУРА И МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЗИТИВНЫХ ЗАЩИТНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ ГОСУДАРСТВА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: НА ПРИМЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРБУЛЛИНГУ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В КИТАЕ И УЗБЕКИСТАНЕ

For citation: Zheng Youli. THE STRUCTURE AND IMPLEMENTATION MECHANISM OF THE STATE'S POSITIVE PROTECTIVE OBLIGATIONS IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: ADDRESSING CYBERBULLYING AGAINST MINORS IN CHINA AND UZBEKISTAN. Journal of Law Research. 2026, 11 vol., issue 10.

<http://dx.doi.org/10.5281/zenodo.23280845>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена реализации позитивных защитных обязанностей государства на примере противодействия кибербуллингу в отношении несовершеннолетних в Китае и Узбекистане. Концептуальный анализ, толкование норм и функциональное сравнение позволяют разграничить обязанности государства, непосредственные обязанности платформ и компетенцию публичных органов. Возложение задач на платформы не устраняет самостоятельных обязанностей государства по контролю и обеспечению средств защиты. Цифровая среда конкретизирует требования к защитным функциям сервисов, реагированию на повторное распространение информации и согласованию мер в отношении контента с сохранением доказательств и помощью ребенку. «Непрерывность защиты» предлагается как инструмент выявления проблем исполнения и взаимодействия по отдельным защитным задачам. Выбранные нормы и опубликованные практические материалы позволяют различать недостаточность нормативного распределения задач, неопределенность их согласования и недостатки исполнения. Рекомендации касаются передачи задач в пределах компетенции, проверки исполнения и сохранения других прав ребенка. Выводы ограничены нормативными связями и действиями, подтвержденными выбранными материалами, и не подменяют оценку фактической эффективности защиты в двух странах.

Ключевые слова: защитная функция государства; позитивные обязанности; механизм реализации права; распределение компетенции; непрерывность защиты; сравнительное исследование Китая и Узбекистана.

Zheng Youli,

Toshkent davlat yuridik universiteti PhD doktoranti

E-mail: sparklingtt8@gmail.com

**RAQAMLI MUHITDA DAVLATNING HIMOYA QILISHGA OID POZITIV
MAJBURIYATLARI TUZILMASI VA ULARNI AMALGA OSHIRISH MEXANIZMI:
XITOIY VA O‘ZBEKISTONDA VOYAGA YETMAGANLARGA NISBATAN
KIBERBULLINGGA QARSHI KURASH MISOLIDA**

ANNOTATSIYA

Maqolada Xitoy va O‘zbekistonda voyaga yetmaganlarga nisbatan kiberbullingga qarshi kurash misolida davlatning pozitiv himoya majburiyatlarini amalga oshirish tahlil qilinadi. Konseptual tahlil, huquqiy normalarni sharhlash va funksional qiyoslash orqali davlat majburiyatlari, platformalarning bevosita majburiyatlari hamda davlat organlarining vakolatlari farqlanadi. Himoya vazifalarini platformalarga yuklash davlatning nazorat va huquqiy himoya vositalarini ta‘minlash majburiyatlarini bekor qilmaydi. Raqamli muhit himoya funksiyalarini huquqiy belgilashni, axborotning takroriy tarqalishiga munosabat bildirishni hamda kontentga doir choralarni dalillarni saqlash va bolaga yordam ko‘rsatish bilan muvofiqlashtirishni talab etadi. “Himoyaning uzluksizligi” alohida vazifalar asosida ijro va muvofiqlashtirish muammolarini aniqlash vositasi sifatida taklif qilinadi. Tanlangan normalar va ochiq amaliy materiallar vazifalarning normativ taqsimoti yetarli emasligi, ular o‘rtasidagi bog‘liqlik noaniqligi va ijro kamchiliklarini farqlash imkonini beradi. Tavsiyalar vakolatlar doirasida vazifalarni uzatish, ijroni tekshirish va bolaning boshqa huquqlarini saqlashga qaratilgan. Xulosalar ikki davlatdagi himoyaning amaliy samaradorligini baholash bilan tenglashtirilmaydi.

Kalit so‘zlar: davlatning himoya funksiyasi; pozitiv majburiyatlar; huquqni amalga oshirish mexanizmi; vakolatlarni taqsimlash; himoyaning uzluksizligi; Xitoy va O‘zbekistonni qiyosiy o‘rganish.

Zheng Youli,

PhD Student of Tashkent State University of Law

E-mail: sparklingtt8@gmail.com

**THE STRUCTURE AND IMPLEMENTATION MECHANISM OF THE STATE’S
POSITIVE PROTECTIVE OBLIGATIONS IN THE DIGITAL ENVIRONMENT:
ADDRESSING CYBERBULLYING AGAINST MINORS IN CHINA AND UZBEKISTAN**

ANNOTATION

This article examines the implementation of the state’s positive protective obligations through the example of cyberbullying against minors in China and Uzbekistan. Conceptual analysis, legal interpretation and functional comparison distinguish state obligations, platforms’ direct duties and the competence of public authorities. Assigning protective tasks to platforms does not remove the state’s independent obligations to supervise compliance and ensure access to remedies. The digital environment gives specific content to requirements concerning protective service features, responses to repeated dissemination, and coordination between content measures, evidence preservation and assistance to children. “Continuity of protection” is proposed as a task-based analytical tool for identifying failures of performance and coordination. Selected legal rules and published practice materials support a distinction between inadequate allocation of tasks, unclear connections between them and failures to perform established duties. Recommendations concern lawful task referral, verification of performance and respect for children’s other rights. The findings are limited to normative relationships and actions supported by the selected materials and do not establish the comparative effectiveness of protection in the two countries.

Keywords: protective function of the state; positive obligations; implementation of law; allocation of competence; continuity of protection; comparative study of China and Uzbekistan.

Введение

Защита личности государством от посягательств частных субъектов требует преобразования защитных целей в конкретные обязанности и компетенцию публичных органов. Противодействие кибербуллингу в отношении несовершеннолетних особенно ясно выявляет эту проблему. Платформа управляет отображением контента, функциями повторного распространения и настройками контактов, однако оскорбительные сведения могут продолжать распространяться после удаления исходной публикации. Помимо прекращения распространения ребенку могут потребоваться сохранение доказательств, восстановление репутации и профессиональная помощь. Эти меры зависят от действий разных частных и публичных субъектов. Организация их деятельности составляет существенную сторону позитивных обязанностей государства в цифровой среде.

Предмет исследования — механизм правовой реализации защитной функции государства на примере противодействия кибербуллингу в отношении несовершеннолетних в Китае и Узбекистане. Основной вопрос заключается в том, как государство посредством права распределяет защитные задачи между надлежащими субъектами и обеспечивает возникновение и согласованное исполнение соответствующих обязанностей при наличии установленных законом условий. Деятельность платформ рассматривается в связи с публичным контролем. Исследование сосредоточено на функциях государства, нормативном распределении задач, правоотношениях и исполнении обязанностей. Конкретные дела и процедуры реагирования на контент используются для анализа этого общетеоретического вопроса.

Исследование К. Джеффала о включении прав ребенка в проектирование цифровых сервисов показывает, как защитные требования могут определять создание и функционирование продукта [1]. М. С. Юнусова рассматривает меры государства по защите детей от вредной информации в Узбекистане [4]. Работа Ш. А. Сайдуллаева о мониторинге исполнения законодательства позволяет различать пробелы, коллизии и недостатки реализации норм [3]. Эти подходы раскрывают взаимосвязанные стороны защиты: содержание требований к сервисам, деятельность государства и оценку исполнения. Для выяснения того, что должно происходить после завершения отдельной меры, необходимо дополнительно исследовать правовые связи между конкретными задачами.

Ли Хайпин анализирует нормативную связь между защитными обязанностями государства и обязанностями частных субъектов, а Ю. С. Решетов рассматривает соотношение правового регулирования и реализации права [14; 23]. Первый подход обращает внимание на источник и структуру обязанностей, второй — на уровни правового воздействия и деятельности субъектов. В настоящей статье эти вопросы соединяются через анализ того, как нормативно установленные задачи получают продолжение в действиях разных участников защиты. Институциональная конкретизация обязанностей и их исполнение рассматриваются раздельно, а затем проверяется правовая связь между ними.

Основной тезис состоит в том, что оценка реализации защитных обязанностей государства требует проверки исполнения конкретных обязанностей и правовых связей между необходимыми защитными задачами. Для этого используется «непрерывность защиты» как аналитический инструмент, позволяющий выявлять проблемы исполнения и согласования на уровне отдельных задач. Для каждой сохраняющейся потребности в защите устанавливаются ответственный субъект, условия возникновения обязанности и основания взаимодействия. Это позволяет различать недостаточность нормативного распределения задач, неопределенность связей между ними и недостатки исполнения.

1. Предмет и методы исследования

Под позитивными защитными обязанностями государства понимаются требования принимать предусмотренные правом законодательные, организационные, контрольные и восстановительные меры для защиты прав от посягательств других субъектов. Запрет неправомерного вмешательства самой публичной власти образует предел осуществления таких мер. Ребенок рассматривается как субъект прав, а платформы, иные владельцы

информационных ресурсов и публичные органы — как носители обязанностей или компетенции, установленных различными нормами. Владельцы информационных ресурсов включаются в анализ платформ лишь постольку, поскольку соответствующие нормы к ним применимы.

Концептуальный анализ позволяет разграничить функцию государства, государственную обязанность и компетенцию конкретного органа. Посредством толкования норм устанавливаются субъекты, условия применения, требуемые действия и правовые последствия. Функциональное сравнение Китая и Узбекистана организовано вокруг общих защитных задач. Конвенция о правах ребенка и замечания общего порядка Комитета по правам ребенка служат интерпретационными ориентирами, тогда как конкретные обязанности и полномочия определяются национальными нормами [12; 13; 15]. Интерпретационная роль замечаний общего порядка отделяется от внутригосударственного основания компетенции. Вывод о недостаточности регулирования требует совместного изучения специальных и общих правил и допустимых способов их толкования; отсутствие найденного положения обозначает предел собранного материала.

Материал включает нормы о защите детей, регулировании информации, рассмотрении обращений и проверке исполнения публичных обязанностей, а также опубликованные судебные, прокурорские и иные официальные сообщения о рассмотрении обращений. Гипотетическая ситуация используется для демонстрации метода. Дело о значительных расходах несовершеннолетних в интернете из смежной области позволяет проследить взаимодействие субъектов цифровой защиты, но не доказывает эффективность противодействия кибербуллингу. Опросы, интервью и полевые исследования не проводятся. Связь между причиненным вредом и недостаточным исполнением обязанностей государства должна устанавливаться применительно к конкретным требованиям. Наличие закона, принятие отдельной меры или завершение одной процедуры сами по себе также не подтверждают общий защитный результат.

2. От защитной функции государства к конкретным юридическим обязанностям

Нормативная конкретизация функции государства

Защитная функция государства обозначает основное направление его деятельности по охране прав; позитивная защитная обязанность — юридически обязательное требование к этой деятельности; компетенция конкретного органа — закрепленные за ним полномочия и обязанности действовать. Эти понятия относятся к разным уровням анализа. Функция объясняет направленность государственной деятельности, позитивная обязанность — юридически должное, а компетенция органа — то, кто, при каких условиях и какие меры должен принимать. Общая цель защиты не наделяет любой орган полномочием на произвольное вмешательство.

Статья 4 Конвенции о правах ребенка требует принятия мер по выполнению обязательств, а статья 19 связывает защиту от физического и психологического насилия с предупреждением, выявлением, сообщением, передачей информации и последующим реагированием [15]. Эти положения обосновывают необходимость организации системы защиты. Однако для вывода о том, обязан ли конкретный орган добиваться удаления информации, передавать обращение или предоставлять помощь, необходимо установить соответствующую национальную норму. Поэтому институциональная оценка обязанностей государства отделяется от проверки исполнения обязанностей органом: первая касается достаточности правил и организации защиты, вторая — выполнения уже возложенных задач при предусмотренных условиях.

Юридическое закрепление защиты не сводится к введению запретов. Запрет посягательства определяет границы поведения, но может не решать вопросы выявления нарушения, прекращения распространения, сохранения записей и предоставления поддержки. Нормативный анализ требует установить объект защиты, обязанного субъекта, условия возникновения обязанности, требуемое действие и способы устранения препятствий к исполнению. Эти элементы могут находиться в разных нормах. Существенно, чтобы их взаимосвязь могла быть определена посредством толкования.

Непосредственные обязанности частных субъектов и обязанности государства по обеспечению защиты

В Замечании общего порядка № 16 подчеркивается, что предоставление услуг частными субъектами не освобождает государство от конвенционных обязательств; рассматриваются необходимые, надлежащие и разумные законодательные, регулирующие и восстановительные меры [12]. Следует различать непосредственные обязанности частного субъекта и обязанности государства по организации и поддержанию системы защиты. Контроль платформы над распространением информации может обосновывать возложение на нее определенных задач. Однако техническая возможность управления не превращает платформу в государственный орган и не создает принудительных полномочий за пределами закона.

Устанавливая частные обязанности законом, государство включает технические возможности платформы в юридически организованные защитные отношения. Ли Хайпин разграничивает отношения, связанные с защитной обязанностью государства, и отношения между частными субъектами; в частности, в одном из рассматриваемых им типов формирование частных обязанностей выступает результатом исполнения государством защитной обязанности [14]. В статье используется этот способ анализа отношений, позволяющий отдельно установить требования к организации защиты государством и национальное основание действий платформы. Полная модель автора, основанная на Конституции Китая и отношениях частной власти, не переносится на сравнение двух стран как общий стандарт.

Прекращая публичное распространение конкретной противоправной информации, платформа выполняет задачу, связанную с этим контентом и своим сервисом. Компетентный орган, получив сведения о продолжающемся распространении, оценивает необходимость реагирования исходя из собственной компетенции и условий ее осуществления. Помощь ребенку предоставляется на основании соответствующих защитных норм. Публичный контроль имеет самостоятельное основание: он может касаться как наличия защитных механизмов платформы, так и обнаруженных недостатков их исполнения. Вмешательство осуществляется уполномоченным органом в установленном порядке.

Институциональная конкретизация обязанностей государства и их исполнение субъектами

Понятия правового регулирования и реализации права не являются взаимозаменяемыми. Ю. С. Решетов рассматривает их различия и взаимосвязь, что позволяет учитывать уровень анализируемых норм и деятельности субъектов [23]. Под механизмом реализации в статье понимается организация воплощения защитных требований посредством их институциональной конкретизации и правомерных действий субъектов. Это рабочее определение служит исследованию связи между общей обязанностью государства и конкретными обязанностями действовать; законодательство, контроль и рассмотрение отдельного дела не представляются однородными последовательными стадиями.

Законодательное установление обязанностей частных субъектов и распределение контрольных и восстановительных задач между публичными органами может составлять исполнение защитной обязанности государства. Одновременно созданные правила становятся основанием последующих действий платформ и органов в конкретных ситуациях. Таким образом, на уровне общей государственной обязанности законодательная деятельность является способом исполнения, а на уровне отдельного субъекта — институциональной предпосылкой его действий. Анализ институционального устройства устанавливает, получили ли юридически значимые потребности в защите надлежащее закрепление и согласование. Анализ исполнения проверяет требуемые действия с учетом конкретной обязанности и условий ее возникновения.

Разграничение этих уровней позволяет определить, на что должно быть направлено исправление выявленного недостатка: на исполнение существующей обязанности либо на устройство нормативного механизма. Подробные критерии различения недостаточности распределения задач, неопределенности их согласования и недостатков исполнения рассматриваются в разделе 6.

Исследуемая структура охватывает взаимосвязанные обязанности государства и конкретных участников: государство обеспечивает нормативное распределение задач, публичный контроль и средства правовой защиты; платформа исполняет непосредственно возложенные законом защитные обязанности; публичный орган действует в пределах компетенции при наличии установленных условий. Задачи платформы и обязанности органа юридически связаны и на разных уровнях обеспечивают исполнение общей обязанности государства. Оценка такой структуры включает проверку действий субъектов и достаточности нормативного распределения и согласования задач.

3. Конкретизация позитивных обязанностей в цифровой среде

Юридическое закрепление защитных функций платформы

Настройки контактов, функции повторного распространения и интерфейс подачи жалоб влияют на распространение вредоносной информации и доступность помощи ребенку. Пункты 36–39 Замечания общего порядка № 25 связывают государственный контроль за выполнением предприятиями своих обязанностей с проектированием, функционированием сервисов и оценкой рисков [13]. К. Джеффаль развивает подход включения прав ребенка в проектирование [1]. Следовательно, предмет защитных требований может охватывать сами функции сервиса: условия ограничения нежелательных контактов, сохранения записей и подачи жалобы должны быть предусмотрены до возникновения конкретного риска.

Закон преобразует контроль платформы над функциями сервиса в определенные задачи. Государство устанавливает защитные требования, контролирует создание и работу соответствующих механизмов и реагирует на недостатки исполнения. При выборе технологий необходимо учитывать осуществимость, исправление ошибочных решений и последствия для свободы выражения мнения и частной жизни. Техническая возможность применения средства сама по себе не делает его использование юридической обязанностью. Поэтому далее проверяются функции, действительно предусмотренные национальными нормами.

Влияние копирования информации на возникновение обязанностей

Цифровая информация может сохраняться в виде снимков экрана и заново публиковаться другими пользователями. Новое распространение способно существовать независимо от исходной записи, и ее удаление не охватывает все последующие объекты. Для защитных обязанностей это означает необходимость вновь оценивать юридически значимые факты: составляет ли последующий контент посягательство, кто знает либо должен обнаружить его в силу закона и какие меры входят в обязанности соответствующего субъекта. Продолжающиеся риски существуют и вне цифровой среды. Здесь особенность состоит в возможности образования множества новых объектов распространения одной информации, что требует определять пределы реагирования по установленным фактам.

Последующее распространение оценивается с учетом содержания, цели и контекста. Снимок экрана для подачи жалобы, доказательство, предоставленное в установленном порядке, и правомерная критика отличаются от дальнейшего распространения оскорблений. Контролирующий орган проверяет контент, подлежащий обработке по закону, и требуемые действия платформы; вся информация, относящаяся к ребенку, не должна автоматически включаться в круг удаляемых сведений.

Связь мер в отношении контента, сохранения доказательств и помощи ребенку

Удаление публикации ограничивает ее публичное распространение, но может затруднить получение необходимых записей ребенком. Публичное размещение снимков экрана для обращения за помощью, напротив, способно расширить аудиторию оскорбительных сведений. Поэтому меры в отношении контента должны согласовываться с сохранением доказательств. Опасение ответных действий, трудности установления нарушителя и незнание способов обращения также требуют связи платформенных процедур с публичной и профессиональной помощью. Координация разных субъектов существовала и до цифровой эпохи. В рассматриваемой ситуации ее конкретное содержание определяется информацией и функциями, контролируруемыми платформой, и необходимостью передать задачи за пределами ее компетенции надлежащему субъекту.

Пункты 43–46 Замечания общего порядка № 25 касаются препятствий в доступе детей к средствам правовой защиты, адаптированных процедур подачи жалоб, межведомственного перенаправления и различных восстановительных мер [13]. На этой основе непрерывность защиты проверяется по отдельным задачам: какие потребности сохраняются после принятой меры, кто обязан на них ответить, какие действия возможны параллельно и какие требуют передачи обращения. Аналитическая ценность подхода состоит в выявлении проблем на границе задач и разграничении недостатков исполнения и институционального устройства.

Материалы позволяют установить требования к конкретизации существующих обязанностей в цифровой среде. Их предмет охватывает функции платформы, условия возникновения учитывают повторное распространение, а способы исполнения связывают меры в отношении контента, сохранение записей и публичные средства защиты. Так объясняется влияние цифрового риска на содержание обязанностей. Сравнение действующих норм не используется как доказательство одинаковой исторической траектории двух стран.

4. Непрерывность защиты и оценка исполнения обязанностей

Защитная задача и завершение процедуры

Рассмотрим гипотетическую ситуацию. Платформа удалила исходную публикацию, оскорбляющую ребенка, и отметила жалобу как рассмотренную. Другие аккаунты продолжают распространять снимки экрана; ребенок не хочет посещать школу, а родители сообщили об этом через публичный канал обращения. Удаление подтверждает принятие меры в отношении исходной записи. Отдельной проверки требуют противоправность последующего распространения, сохранение записей и потребность ребенка в профессиональной поддержке. Нежелание посещать школу представляет сигнал, требующий внимания; конкретный риск и необходимые меры устанавливаются посредством соответствующей оценки.

Проверка только факта завершения рассмотрения жалобы оставит вне анализа задачи, выходящие за пределы удаления исходной записи. При анализе по задачам необходимо установить обязанности платформы в отношении последующего противоправного контента в ее сервисе, контрольные обязанности компетентного органа и условия предоставления помощи ребенку. При самостоятельном наличии соответствующих условий действия могут осуществляться параллельно. Если вопрос должен рассматриваться другим субъектом, проверяются основания его приема и передачи. Это позволяет выяснить, связана ли остановка защиты с неисполнением существующей задачи либо с неопределенностью взаимодействия.

Последовательное взаимодействие и параллельное исполнение

Последовательное взаимодействие имеет место, когда результат одной меры или выявленная при ее осуществлении информация в силу закона порождает обязанность другого субъекта принять материалы, оценить ситуацию либо действовать. Общая защитная цель сама по себе не устанавливает такую связь. Необходимо определить допустимый состав передаваемых сведений, получателя, правовое основание и требуемый ответ. Если оценка выявляет продолжающееся противоправное распространение, а применимые правила регулируют лишь помощь ребенку, следует установить основание передачи информации компетентному органу контроля в информационной сфере.

Параллельное исполнение означает, что одни факты самостоятельно удовлетворяют условиям возникновения нескольких обязанностей и соответствующие субъекты должны действовать каждый в пределах своей компетенции. Реагирование платформы и публичный контроль не всегда образуют последовательные этапы. Меры в отношении контента и срочная помощь ребенку также не должны произвольно выстраиваться в единую очередь. Одна процедура может предоставлять информацию для другой, но ожидание ее окончания оправдано лишь при наличии предусмотренной правом или обусловленной самой мерой зависимости.

Согласование обязанностей устанавливает связи между правоотношениями и условия продолжения действий каждым субъектом. При информировании ребенка или его представителя следует в пределах применимых правил разяснять, кто рассматривает вопрос

и куда можно обратиться далее. Это уменьшает необходимость повторных обращений. Передача сведений и принимаемые меры должны соответствовать компетенции и требованию необходимости.

Последовательность и пределы оценки

Анализ начинается с конкретной потребности в защите, после чего устанавливаются субъект, правовое основание обязанности и юридически значимые факты. Затем проверяются требуемое действие и задачи, которые еще нуждаются в исполнении или передаче. Эта последовательность организует исследуемые нормативные и практические материалы и не представляется общим судебным стандартом двух государств.

Однозначно предписанное действие проверяется по соответствующей норме. При наличии усмотрения учитываются компетенция органа, известная ему или подлежащая установлению в силу закона информация, степень риска и осуществимые средства. Таким образом, оценка общей государственной обязанности опирается на конкретное исполнение и одновременно сохраняет самостоятельную проверку институционального устройства.

5. Конкретизация и реализация обязанностей в нормах Китая и Узбекистана

Функциональное соответствие объектов сравнения

Статья 26 китайского Положения о защите несовершеннолетних в интернете запрещает организациям и гражданам совершать перечисленные действия, образующие травлю несовершеннолетних в сети. Определение травли в статье 3 Закона Республики Узбекистан «О защите детей от всех форм насилия» сосредоточено на действиях детей в отношении других детей; более широкие понятия насилия и психологического насилия позволяют рассматривать и иные соответствующие посягательства [8; 19]. Поэтому единицей сравнения служит защитная задача. Применимость каждой нормы проверяется с учетом субъекта посягательства, потерпевшего и характера действий.

Сравнение организовано по однородным защитным задачам. Китайский материал включает специальные нормы о защите несовершеннолетних в интернете и их связи с публичными обращениями, поддержкой и контролем. Узбекский материал охватывает нормы о защите детей от насилия, об информации и об обращениях. Каждый комплекс используется для установления действительного нормативного основания задач. Выделяемые способы организации относятся к выбранным вопросам исследования.

Преобразование защитных требований в конкретные обязанности частных субъектов

Статья 26 китайского Положения возлагает на поставщиков сетевых продуктов и услуг создание механизмов предупреждения, выявления, мониторинга и пресечения кибербуллинга, а также предоставление защитных функций для детей, в том числе удобных средств сохранения записей и реализации права на уведомление [8]. В общетеоретическом плане норма преобразует защитную цель в проверяемые действия определенного субъекта. Поэтому публичный контроль может охватывать как опубликованную информацию, так и наличие предусмотренных законом защитных механизмов.

Статья 5 Закона Узбекистана «О защите детей от информации, наносящей вред их здоровью» определяет направления государственной политики, включая классификацию информации, технические условия и предупреждение противоправного информационно-психологического воздействия. Статья 12¹ Закона «Об информатизации» устанавливает для владельцев веб-сайтов, страниц и иных информационных ресурсов, в том числе блогеров, обязанности по мониторингу и удалению запрещенного контента при его выявлении. Статья 22 Закона «О защите детей от всех форм насилия» предусматривает меры по формированию безопасной среды, анализу рисков, выявлению насилия и защите детей [19; 20; 21]. Эти нормы действуют на уровнях государственной политики, управления информацией и защиты ребенка; конкретная задача определяется с учетом юридической силы и адресата каждого положения. Выбранные китайские нормы непосредственно перечисляют защитные функции сетевых сервисов для детей. Узбекские нормы отдельно закрепляют меры защиты детей и задачи владельцев информационных ресурсов. Первый способ облегчает проверку определенной

функции сервиса; второй требует совместного установления круга субъектов и применимости нескольких правил. Направления государственной политики, частные обязанности и компетенция публичных органов обладают различной степенью конкретизации, которую необходимо учитывать при толковании.

Связь частных обязанностей с компетенцией публичных органов

Статья 29 китайского Положения устанавливает обязанности поставщика услуг по принятию мер, сохранению записей и направлению сообщения при обнаружении соответствующей противоправной информации. Статья 30 предусматривает требование компетентного органа об обработке выявленной информации в установленном порядке [8]. Нормы самостоятельно определяют условия действий частного и публичного субъекта. Поставщик услуг не может считать отсутствие вмешательства контролирующего органа достаточным основанием для бездействия. Орган, чья обязанность уже возникла, также не вправе подменять требуемый контроль указанием на то, что жалоба рассматривается платформой.

Статья 12¹ Закона Узбекистана «Об информатизации» закрепляет обязанности владельца информационного ресурса и связывает их нарушение с последующими мерами, включая ограничение доступа в установленном порядке. Постановление Кабинета Министров № 707 конкретизирует мониторинг, уведомление и соответствующие процедуры [9; 21]. Эти положения подтверждают нормативную связь частного реагирования и публичного вмешательства. Различные процедуры при этом не объединяются в один срок или порядок: общая обязанность владельца и действия после получения уведомления уполномоченного субъекта оцениваются по своим условиям возникновения.

Оба комплекса норм юридически организуют частное реагирование и публичное вмешательство. Нарушение обязанности платформой и исполнение контрольной обязанности органом требуют самостоятельного установления правового основания и фактов. Механизм взаимодействия обеспечивает взаимную поддержку действий при сохранении границ компетенции.

Связь обращения за помощью с последующими защитными задачами

Статьи 7–8 китайского Положения предусматривают рассмотрение жалоб поставщиками услуг, а также рассмотрение и передачу обращений компетентными органами. Статья 97 Закона КНР о защите несовершеннолетних закрепляет публичную горячую линию, прием и перенаправление обращений; статьи 90 и 99 — соответствующие задачи психологической и профессиональной помощи. Статьи 26–29 Правил регулирования информации, связанной с насилием в интернете, дополнительно регулируют жалобы, приоритетное рассмотрение обращений, касающихся несовершеннолетних, и взаимодействие при контроле [7; 8; 17]. Эти положения создают разные частные и публичные точки входа в защитные процедуры; конкретные меры определяются условиями каждой нормы.

Статьи 11, 25 и 27 узбекского Закона «О защите детей от всех форм насилия» определяют уполномоченный орган, круглосуточную бесплатную и конфиденциальную линию помощи, а также неотложные меры органов внутренних дел после сообщения о насилии и уведомление уполномоченного органа. Приложение 1 к постановлению Кабинета Министров № 440 от 2025 года связывает обращение, оценку риска, план защиты, необходимую поддержку и последующий мониторинг [10; 19]. Статья 24¹ Закона «Об обращениях физических и юридических лиц» признает самостоятельное обращение несовершеннолетнего по вопросам его прав; статьи 25 и 27 регулируют передачу обращения и ответ. Соотношение специальной процедуры и общих правил определяется также с учетом статьи 1 этого закона [22].

Передача обращения определяет дальнейшего исполнителя, оценка риска выявляет потребность ребенка в поддержке, а управление контентом направлено на противоправное распространение. Китайские специальные нормы непосредственно связывают действия поставщика услуг и публичный контроль. В Узбекистане положения о координации и обмене информацией в статьях 11 и 21 Закона о защите детей от насилия создают основание взаимодействия [19]. Выбранные материалы не позволяют полностью установить, каким образом сведения о продолжающемся распространении, полученные при оценке ситуации

ребенка, поступают органу информационного контроля, а также порядок их приема, подтверждения и обратной связи. Вывод о данном взаимодействии ограничен установленными основаниями координации и обмена сведениями.

Меры в отношении контента и помощь ребенку имеют самостоятельные задачи. Выбранные нормы позволяют определить их субъектов и часть условий возникновения обязанностей. Дальнейшая проверка полноты механизма требует установить, как уже известная информация о риске поступает в другую применимую процедуру и кто продолжает реагирование.

Таблица 1

Защитные задачи и их нормативное согласование

Задача защиты	Китай: субъект, условие и действие	Узбекистан: субъект, условие и действие	Согласование и проверка
Предупреждение риска	Поставщик создает механизмы предупреждения, выявления и пресечения кибербуллинга, функции сохранения записей, уведомления и блокирования контактов (ст. 26 Положения) [8].	Государство организует выявление и предупреждение насилия; владелец ресурса осуществляет мониторинг публичной информации (ст. 3, 22 Закона о защите детей от насилия; ст. 12 ¹ Закона об информатизации) [19; 21].	Установить адресата и содержание задачи; отдельно сопоставить общий мониторинг и специальные детские защитные функции.
Реагирование на противоправную информацию	При обнаружении предусмотренного нормой контента поставщик незамедлительно принимает меры, сохраняет записи и сообщает о нем; орган требует законного реагирования (ст. 29, 30 Положения) [8].	При выявлении запрещенного ст. 12 ¹ контента владелец незамедлительно принимает меры к удалению; нарушение обязанности может повлечь ограничение доступа специально уполномоченным органом в установленном порядке [21].	Проверить применимость нормы и возникновение обязанности; учитывать различия объектов мер и компетенции.
Публичное обращение и дальнейшие действия	Поставщик своевременно принимает и рассматривает жалобу; орган рассматривает ее по закону либо своевременно передает по компетенции (ст. 7, 8 Положения) [8].	Уполномоченный орган обеспечивает круглосуточную бесплатную конфиденциальную линию; органы внутренних дел после сообщения о насилии принимают неотложные меры и уведомляют уполномоченный орган (ст. 25, 27) [19].	Определить получателя, передачу или уведомление и последующие задачи; сообщение о приеме подтверждает лишь описанные в нем действия.

Примечание. В таблице представлены выбранные нормативные задачи. Профессиональная помощь ребенку и план защиты определяются соответствующими специальными правилами. Фактическое исполнение проверяется по записям о рассмотрении обращений, контрольным документам и последующей оценке.

Практические материалы и проверка исполнения публичных обязанностей

В опубликованном Верховным народным судом КНР в 2025 году типичном деле по иску Сяо Вана к Сяо Ли и его родителям суд признал сетевые оскорбления нарушением права на репутацию и возложил на законных представителей обязанность принести письменные извинения и возместить соответствующий ущерб [6]. Материал позволяет выделить восстановление репутации и возмещение потерь как задачи, выходящие за пределы обработки контента. Предметом дела являлась гражданско-правовая ответственность; позитивные обязанности государства судом не оценивались.

Опубликованное Верховной народной прокуратурой КНР «Дело о комплексной судебной защите гражданских прав несовершеннолетних в интернете» (руководящее дело № 174) позволяет рассмотреть связь исправительных мер предприятия и публичного контроля. Дело касалось значительных расходов несовершеннолетних в интернете. При поддержке исков прокуратура выявила недостаточное осуществление защитных мер в сетевом сервисе и направила компании прокурорскую рекомендацию. Компания затем предложила меры, включавшие совершенствование идентификации пользователей и создание дополнительных каналов обращений несовершеннолетних. Отдельная досудебная прокурорская рекомендация в рамках административной защиты публичного интереса была направлена подразделению правоприменения управления культуры и туризма: предлагалось отслеживать и оценивать исправление недостатков и усилить контроль. Подразделение приняло рекомендацию и провело беседу с представителями компании; прокуратура также привлекла соответствующие административные органы и отраслевые объединения к последующей оценке [5].

Материал разграничивает исправительные меры предприятия, административный контроль и прокурорский надзор. Продолжение публичной проверки после представления компанией мер показывает, что разработка плана исправления и проверка его исполнения составляют разные задачи. Для дальнейшей оценки необходимы записи о приеме жалоб, их рассмотрении и ответах после изменений, а также документы проверок и последующего мониторинга. Смежный цифровой пример демонстрирует взаимодействие в китайской практике; обязанности узбекских органов определяются национальным правом. Описанные действия относятся к 2021 году и не используются для проверки исполнения китайского Положения, вступившего в силу в 2024 году.

В сообщении о личном приеме, зарегистрированном на сайте Уполномоченного Олий Мажлиса Республики Узбекистан по правам ребенка 18 сентября 2024 года, изложено обращение о травле девочки одноклассниками и размещении в интернете сведений, унижающих ее честь и достоинство. Уполномоченный сообщил о начале изучения обращений совместно с соответствующими ведомствами [2]. Материал фиксирует поступление сообщения о школьной и сетевой травле в публичный канал и первоначальное реагирование. Конкретные участвующие ведомства, последующие меры в отношении контента и поддержки ребенка в выбранной публикации не раскрыты. Сообщение предшествует вступлению в силу Закона о защите детей от всех форм насилия и постановления № 440 от 2025 года. Оно используется для анализа обращения и публичного ответа, а не для оценки реализации новых норм. Китайское руководящее дело и узбекское сообщение различаются по типу и подробности; сопоставление ограничено зафиксированными действиями.

Китайский материал показывает связь мер компании с последующей административной и прокурорской проверкой; узбекский — связь приема обращения с началом его совместного изучения ведомствами [2; 5]. Оба позволяют поставить вопрос о субъекте дальнейшего реагирования. Однако наблюдаемые этапы различны: в первом случае отражены исправительные меры и их отслеживание, во втором — начальный ответ. Большая подробность публикации не доказывает более высокую общую эффективность защиты; сравниваются действия, действительно отраженные в каждом источнике.

Исполнение публичных обязанностей также подлежит проверке. Статья 50 китайского Положения предусматривает требование вышестоящего органа об устранении нарушений и соответствующие дисциплинарные меры. Пункт 11 статьи 11 Закона КНР об

административном пересмотре охватывает отказ исполнить, ненадлежащее исполнение либо отсутствие ответа после обращения о выполнении установленной законом обязанности защищать законные права и интересы [8; 11]. В Узбекистане Кодекс об административном судопроизводстве и постановление Пленума Верховного суда № 24 от 2019 года устанавливают основания проверки решений, действий и бездействия административных органов. Пункт 21 постановления разъясняет возможность обязать орган рассмотреть письменное обращение в установленный судом срок при его несвоевременном рассмотрении, не предпринимая итогового решения по существу [16; 18].

Публичные органы контролируют исполнение частных обязанностей, а их собственная деятельность становится объектом правовой проверки. Внутренние меры исправления и внешние средства защиты прав позволяют выявлять неисполнение публичных задач. Проверка касается законной обязанности и порядка действий; обоснованность материального требования определяется самостоятельно.

6. Выявление и устранение недостатков механизма реализации

Разграничение нормативного распределения, согласования и исполнения задач

Исследование Ш. А. Сайдуллаева о мониторинге законодательства показывает необходимость различать нормативные дефекты и проблемы исполнения [3]. Применительно к позитивным защитным обязанностям выделяются три ситуации: необходимая задача не получила надлежащего нормативного закрепления; отдельные задачи имеют основания, но их соотношение или передача неопределенны; обязанность установлена и возникла, однако субъект ее не исполнил. Они относятся соответственно к нормативному распределению, организации взаимодействия и конкретному исполнению и требуют разных способов обоснования и исправления.

Для вывода о недостаточности распределения необходимо установить правовое основание защитной потребности и совместно исследовать специальные нормы, общие правила и применимое толкование. Отсутствие меры в одной статье не является достаточным доказательством. При неопределенности согласования следует указать, какой элемент не установлен: получатель, условия возникновения обязанности, передача информации или обратная связь. Недостаток исполнения доказывается через конкретную обязанность субъекта, известные факты и требуемое действие. Ненайденная исследователем норма обозначает предел материала и сама по себе не подтверждает пробела в законодательстве.

Мера исправления должна соответствовать установленной проблеме. Если орган не принимает неотложных мер после сообщения о насилии при наличии прямой обязанности, требуется устранение недостатка исполнения. Если помощь ребенку и контроль за информацией имеют самостоятельные основания, но порядок передачи вопроса неясен, проверяются правила взаимодействия. Даже после выполнения каждым субъектом своих задач сохраняющаяся юридически значимая потребность в защите требует возвращения к оценке всего нормативного устройства, прежде чем будет обоснована необходимость его дополнения.

Уточнение взаимодействия на уровне защитных задач

При выявлении продолжающегося противоправного распространения в ходе рассмотрения обращения следует проверить существующую правовую цепочку: обязан ли получатель сообщения передать сведения, какая необходимая информация может быть направлена компетентному контролирующему органу, как она оценивается после приема и как заявитель информируется о результате. При ясных обязанностях приоритет имеют исполнение и разъяснение. Лишь если совокупная проверка не позволяет определить связь задач, возникает основание обсуждать дополнительные правила или организационные разъяснения. Новые принудительные полномочия вводятся в надлежащем правовом порядке.

Если условия помощи ребенку и информационного контроля возникли самостоятельно, требуется определить основание продолжения действий каждого субъекта, чтобы незавершенность чужой процедуры не становилась причиной бездействия. Заявителю

необходимо знать, какие вопросы рассматриваются, какие переданы по компетенции и куда обращаться за информацией. Именно такие элементы взаимодействия могут быть предметом взаимного изучения опыта Китая и Узбекистана; конкретные учреждения и процедуры должны соответствовать национальному распределению полномочий.

Необходимые записи как основа контроля и уточнения норм

Для проверки согласования задач могут использоваться существующие необходимые записи. Регистрация и документы передачи обращения показывают дальнейшего исполнителя; записи о мерах в отношении информации — объект реагирования; план защиты и его корректировки — последующую помощь. Использование сведений должно соответствовать компетенции и установленным целям, исключая избыточное повторное соби́рание данных о ребенке. Предметом проверки являются прием, начало и правомерное продолжение каждой задачи, а не только число удаленных публикаций или завершенных обращений.

Мониторинг исполнения законодательства должен соотносить выявленную проблему с надлежащим уровнем реагирования. Неисполнение ясной обязанности требует исправления действий; неопределенность взаимодействия — проверки толкования и дополнительных организационных правил; отсутствие надлежащего закрепления необходимой задачи — нормативного изменения. Опубликованные судебные акты, решения контролирующих органов и правомерно полученные записи рассмотрения обращений обеспечивают проверяемую основу таких выводов.

Компетенционные и правовые пределы защитных мер

Положения Конвенции о правах ребенка об учете его мнения, свободе выражения и частной жизни требуют отношения к ребенку как к субъекту прав [15]. Меры должны быть направлены на посягательство, опираться на законные полномочия и обязанности, оставляя пространство для обычного общения и участия. Закрытие аккаунта потерпевшего ребенка может лишить его канала общения. Запрет любых отрицательных оценок или требование предварительного согласия на каждый комментарий о ребенке способны чрезмерно расширить вмешательство. Ограничение распространения, сохранение доказательств и обмен информацией должны соответствовать конкретной задаче и учитывать осуществимые менее ограничительные средства.

Правомерное сохранение записей и прекращение публичного распространения могут осуществляться одновременно. Статья 80 китайского Закона о защите несовершеннолетних в соответствующих случаях сочетает прекращение распространения, удаление или блокирование с сохранением записей и сообщением уполномоченным органам [17]. При межсубъектном обмене следует определить законного получателя, необходимый состав данных, цель использования и условия хранения. Меры, затрагивающие выражение мнения или частную жизнь, должны сопровождаться предусмотренными применимой процедурой основаниями и возможностью исправления ошибок, чтобы само взаимодействие подчинялось требованиям защиты прав.

Учет мнения ребенка помогает определить потребности и возможные неблагоприятные последствия мер. Сложная оценка риска и вся тяжесть соби́рания доказательств не должны перекладываться на ребенка; соответствующие задачи выполняют обязанные субъекты. Пределы непрерывности защиты определяются применимыми обязанностями и условиями их возникновения, а контроль корректируется по мере изменения риска и задач.

Заключение

Позитивные защитные обязанности государства в цифровой среде реализуются посредством институционального устройства и действий конкретных субъектов. Законодательное установление обязанностей платформы может составлять исполнение государственной обязанности и одновременно создает основание частного реагирования. Публичный контроль, прием обращений и средства защиты имеют самостоятельные задачи, подлежащие исполнению при предусмотренных условиях. Общая обязанность государства и компетенция

конкретных органов оцениваются раздельно и связываются через юридические отношения между задачами.

Цифровой риск конкретизирует эти связи: защитные функции платформ требуют нормативного закрепления, распространение копий — продолжающейся оценки, а меры в отношении контента — согласования с сохранением доказательств и помощью ребенку. Непрерывность защиты как инструмент анализа по отдельным задачам позволяет выявить вопросы, сохраняющиеся после завершения одной процедуры, и отнести препятствие к исполнению, согласованию или нормативному распределению. От установленной причины зависит способ исправления.

Выбранные китайские нормы непосредственно закрепляют защитные функции платформ, меры в отношении информации и публичное контрольное реагирование. В узбекском материале задачи организуются сочетанием правил защиты детей от насилия и общего информационного регулирования. Практические публикации отражают, соответственно, исправительные меры предприятия и публичное отслеживание, а также обращение ребенка и первоначальный ответ. При изучении зарубежного опыта следует сопоставлять эти задачи и условия их соединения, а конкретные решения определять в пределах национальной компетенции. Выводы статьи относятся к нормативному анализу механизма исполнения; фактическая эффективность защиты и более широкая полнота систем требуют соответствующих записей рассмотрения обращений и контроля.

Сноски/Иқтибослар/References

1. Djeflal C. Children's Rights by Design and Internet Governance: Revisiting General Comment No. 25 (2021) on Children's Rights in Relation to the Digital Environment // *Laws*. 2022. Vol. 11, no. 6. Art. 84. DOI: 10.3390/laws11060084. URL: <https://doi.org/10.3390/laws11060084> (дата обращения: 06.10.2026).
2. Oliy Majlisning Bola huquqlari bo'yicha vakili. Bugun Bolalar ombudsmani bola manfaatlariga oid murojaatlar yuzasidan navbatdagi shaxsiy qabulini o'tkazdi. Сообщение на официальном сайте, зарегистрировано 18 сентября 2024 г. [The Children's Ombudsman Held Another Personal Reception on Appeals Concerning Children's Interests]. URL: <https://bolalarvakili.uz/en/news/daily-news/70> (дата обращения: 06.10.2026).
3. Saydullayev Sh. A. Qonunchilikdagi bo'shliqlarni aniqlashda normativ-huquqiy hujjatlar ijrosi monitoringining ahamiyati // *Yurisprudensiya*. 2026. Vol. 6, no. 4. P. 11–19. DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.6.4./ZZGS8596. [The Importance of Monitoring the Implementation of Normative Legal Acts in Identifying Legislative Gaps]. URL: <https://yurisprudensiya.tsul.uz/index.php/yurisprudensiya/article/view/772> (дата обращения: 06.10.2026).
4. Yunusova M. S. Davlatning bolalarni zararli axborotlardan himoya qilish funksiyasi: qonun va amaliyot tahlili // *Yuridik fanlar axborotnomasi / Review of Law Sciences*. 2025. Vol. 9, no. 1. P. 89–95. DOI: 10.51788/tsul.rols.2025.9.1./SGSV6686. [The State's Function of Protecting Children from Harmful Information: An Analysis of Law and Practice]. URL: <https://review.tsul.uz/index.php/yfa/article/download/265/247> (дата обращения: 06.10.2026).
5. Верховная народная прокуратура КНР. Сорок третья серия руководящих дел: дело о комплексной судебной защите гражданских прав несовершеннолетних в интернете, № 174. 1 марта 2023 г. [Supreme People's Procuratorate of China. Forty-Third Series of Guiding Cases: Comprehensive Judicial Protection of Minors' Civil Rights Online, Case No. 174]. URL: https://www.spp.gov.cn/spp/jczdal/202303/t20230301_604987.shtml (дата обращения: 06.10.2026).
6. Верховный народный суд КНР. Типичные дела о защите несовершеннолетних в интернете и пресечении правонарушений и преступлений. 20 ноября 2025 г. [Supreme People's Court of China. Typical Cases Concerning Online Protection of Minors and the Punishment of Unlawful and

- Criminal Conduct]. URL: <https://www.court.gov.cn/zixun/xiangqing/482021.html> (дата обращения: 06.10.2026).
7. Государственная канцелярия интернет-информации КНР и другие ведомства. Правила регулирования информации, связанной с насилием в интернете. Совместный приказ четырех ведомств № 17 от 12 июня 2024 г.; вступили в силу 1 августа 2024 г. [Cyberspace Administration of China and Other Authorities. Provisions on the Governance of Cyberviolence Information]. URL: https://www.cac.gov.cn/2024-06/14/c_1720043894161555.htm (дата обращения: 06.10.2026).
 8. Государственный совет КНР. Положение о защите несовершеннолетних в интернете. Приказ № 766 от 16 октября 2023 г.; вступило в силу 1 января 2024 г. [State Council of the People's Republic of China. Regulations on the Protection of Minors in Cyberspace]. URL: https://www.cac.gov.cn/2023-10/24/c_1699806932316206.htm (дата обращения: 06.10.2026).
 9. Кабинет Министров Республики Узбекистан. О мерах по совершенствованию информационной безопасности во всемирной информационной сети Интернет: постановление от 5 сентября 2018 г. № 707. Сводный текст с изменениями. [Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan. Measures to Improve Information Security on the Internet]. URL: <https://www.lex.uz/ru/docs/3893085> (дата обращения: 06.10.2026).
 10. Кабинет Министров Республики Узбекистан. Об утверждении Положения о порядке выявления случаев насилия в отношении детей, оценки степени риска насилия, разработки и реализации плана защиты: постановление от 14 июля 2025 г. № 440. [Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan. Regulation on Identifying Violence against Children, Assessing Risk, and Developing and Implementing a Protection Plan]. URL: <https://lex.uz/docs/7648472> (дата обращения: 06.10.2026).
 11. Китайская Народная Республика. Закон об административном пересмотре. Изменен 1 сентября 2023 г.; вступил в силу 1 января 2024 г. [People's Republic of China. Administrative Reconsideration Law]. URL: https://www.samr.gov.cn/zw/zfxxgk/fdzdgknr/fgs/art/2023/art_70518816df484be18f6b38fa295750bb.html (дата обращения: 06.10.2026).
 12. Комитет по правам ребенка ООН. Замечание общего порядка № 16 об обязательствах государств в отношении воздействия предпринимательской деятельности на права детей. 2013. CRC/C/GC/16. [UN Committee on the Rights of the Child. General Comment No. 16 on State Obligations Regarding the Impact of the Business Sector on Children's Rights]. URL: <https://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=wAujUnHp7Jjmw/74nl1vqBq%2BUn3u404c%2BSucq5O/ZLAayhBKPwtMucxTwmUoUQvF7aGa2eEHfEFYSNHDhye1nQ%3D%3D> (дата обращения: 06.10.2026).
 13. Комитет по правам ребенка ООН. Замечание общего порядка № 25 о правах детей в связи с цифровой средой. 2021. CRC/C/GC/25. [UN Committee on the Rights of the Child. General Comment No. 25 on Children's Rights in Relation to the Digital Environment]. URL: <https://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=6NryZJ6Nb2eroc9R7Z2SLdxkeoHPKm2F2XbXpOzFgtsvC20o6u/NdFYjfsfkqTMamCVcCjfiCtEJ2W4uwn4SJQ%3D%3D> (дата обращения: 06.10.2026).
 14. Ли Хайпин. Трансформация структуры отношений, связанных с обязанностью защиты основных прав // Фасюэ яньцзю (Chinese Journal of Law). 2025. Т. 47, № 1. С. 42–59. [Li Haiping. Transformation of the Relational Structure of Duties to Protect Fundamental Rights]. URL: <https://www.aisixiang.com/data/159705.html> (дата обращения: 06.10.2026).
 15. Организация Объединенных Наций. Конвенция о правах ребенка. Принята 20 ноября 1989 г. [United Nations. Convention on the Rights of the Child]. URL: <https://www.unicef.org/child-rights-convention/convention-text> (дата обращения: 06.10.2026).
 16. Пленум Верховного суда Республики Узбекистан. О судебной практике по рассмотрению дел об обжаловании решений, действий (бездействия) административных органов и их должностных лиц: постановление от 24 декабря 2019 г. № 24. Сводный текст с изменениями. [Plenum of the Supreme Court of the Republic of Uzbekistan. Judicial Practice in Cases Challenging

Decisions, Actions and Inaction of Administrative Bodies and Their Officials]. URL: <https://lex.uz/ru/docs/4711315> (дата обращения: 06.10.2026).

17. Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей. Закон КНР о защите несовершеннолетних. Редакция 2024 г. [Standing Committee of the National People's Congress. Law of the People's Republic of China on the Protection of Minors]. URL: <https://wb.flk.npc.gov.cn/flfg/PDF/c49809c4a0ef4721aa156972cc22f5e1.pdf> (дата обращения: 06.10.2026).

18. Республика Узбекистан. Кодекс об административном судопроизводстве от 25 января 2018 г. [Republic of Uzbekistan. Code of Administrative Court Proceedings]. URL: <https://lex.uz/docs/3527365> (дата обращения: 06.10.2026).

19. Республика Узбекистан. О защите детей от всех форм насилия: Закон от 14 ноября 2024 г. № ЗРУ-996. [Republic of Uzbekistan. Law on the Protection of Children from All Forms of Violence]. URL: <https://www.lex.uz/ru/docs/7219505> (дата обращения: 06.10.2026).

20. Республика Узбекистан. О защите детей от информации, наносящей вред их здоровью: Закон от 8 сентября 2017 г. № ЗРУ-444. [Republic of Uzbekistan. Law on the Protection of Children from Information Harmful to Their Health]. URL: <https://lex.uz/docs/3333805> (дата обращения: 06.10.2026).

21. Республика Узбекистан. Об информатизации: Закон от 11 декабря 2003 г. № 560-II. Сводный текст с изменениями. [Republic of Uzbekistan. Law on Informatization]. URL: <https://lex.uz/ru/docs/82956> (дата обращения: 06.10.2026).

22. Республика Узбекистан. Об обращениях физических и юридических лиц: Закон от 3 декабря 2014 г. № ЗРУ-378; новая редакция утверждена Законом от 11 сентября 2017 г. № ЗРУ-445, с последующими изменениями. [Republic of Uzbekistan. Law on Appeals of Individuals and Legal Entities]. URL: <https://lex.uz/ru/docs/3336171> (дата обращения: 06.10.2026).

23. Решетов Ю. С. Правовое регулирование и реализация права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 3(29). С. 24–29. [Reshetov Yu. S. Legal Regulation and Implementation of Law]. URL: <https://sciup.org/pravovoe-regulirovanie-i-realizaciya-prava-147202510> (дата обращения: 06.10.2026).

ҲУҚУҚИЙ ТАДҚИҚОТЛАР ЖУРНАЛИ

ЖУРНАЛ ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

JOURNAL OF LAW RESEARCH

Taqdim etilayotgan maqolalarga qo'yilgan talablar:

1. Maqola o'zbek, ingliz va rus tillarida qabul qilinadi va Microsoft Word dasturida Times New Roman shriftida 12 kegl, 1 satr oralig'ida, sahifalar barcha tomondan 2 sm qoldirilgan bo'lishi shart. Satr boshi - 1,25 sm bo'lib, satrlarni eniga to'g'irlash, so'zlarni boshqa qatorga ko'chirish avtomatik tarzda bo'lishi lozim.
2. Birinchi qator o'ng tomondan muallifning familiyasi, ismi va otasining ismi, ikkinchi qatorda muallifning ish joyi, lavozimi, ilmiy darajasi va unvoni va e-mail, uchinchi qatorda sahifaning o'rtasida bosh va qalin harflar bilan maqolaning nomi yoziladi. Ushbu ma'lumotlar o'zbek, ingliz va rus tillarda berilishi lozim.
3. Keyingi qatordan o'zbek, ingliz va rus tillarida kamida 60 ta o'zbek, ingliz va rus tillarida so'zdan iborat annotatsiya beriladi.
4. Keyingi qatordan 6-10 ta o'zbek, ingliz va rus tillarida kalit so'zlar beriladi.
5. Keyingi qatordan asosiy matn umimiy so'zi minimal 2000 ta bo'ladi.
6. Adabiyotlarning to'liq ro'yxati asosiy matndan so'ng alifbo tartibida ko'rsatilishi lozim va havolalar asosiy matnda bo'lishi kerak [1, B.25].
7. Maqolada keltirilgan dalillarning to'g'riligi uchun muallif mas'ul, plagiat holati taqiqlanadi.
8. Web of science, Scopus tizimidagi jurnallardan iqtiboslar olish maqsadga muvofiqdir.

Требования к оформлению научной статьи:

1. Статья принимается на узбекском, английском и русском языках и должна быть оформлена в Microsoft Word шрифтом Times New Roman, размер 12, межстрочный интервал — 1, поля со всех сторон — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см; выравнивание по ширине и переносы слов должны быть включены автоматически.
2. В первой строке справа указываются фамилия, имя и отчество автора; во второй строке — место работы автора, должность, ученая степень и звание, а также e-mail; в третьей строке по центру страницы крупным и жирным шрифтом — название статьи. Эти сведения должны быть приведены на узбекском, английском и русском языках.
3. Ниже дается аннотация на узбекском, английском и русском языках, содержащая не менее 60 слов на каждом языке.
4. Далее приводятся 6–10 ключевых слов на узбекском, английском и русском языках.
5. Далее основной текст: общий объем текста должен быть не менее 2000 слов.
6. Полный список литературы должен быть приведен после основного текста в алфавитном порядке; ссылки должны присутствовать в основном тексте в формате [1, C.25].
7. Автор несет ответственность за достоверность приведенных в статье доказательств; плагиат запрещен.
8. Рекомендуется цитирование журналов из база данных Web of Science и Scopus.

Requirements of the articles submitted:

1. Articles are accepted in Uzbek, English and Russian and must be prepared in Microsoft Word using Times New Roman font, size 12, single line spacing, with 2 cm margins on all sides. First-line indent is 1.25 cm; text should be justified and word hyphenation/line breaks set to automatic.
2. In the first line on the right: the author's surname, given name and patronymic; in the second line: the author's affiliation, position, academic degree and title, and e-mail; in the third line centered on the page: the article title in bold and uppercase (or bold). These details must be provided in Uzbek, English and Russian.
3. Next, provide an abstract in Uzbek, English and Russian of at least 60 words in each language.
4. Next, provide 6–10 keywords in Uzbek, English and Russian.
5. Next, the main text: total word count must be at least 2000 words.
6. The full list of references must appear after the main text in alphabetical order, and citations should appear in the main text in the format [1, P.25].
7. The author is responsible for the accuracy of the evidence presented in the article; plagiarism is prohibited.
8. It is advisable to include citations from journals indexed in Web of Science and Scopus.